

— Ты знаешь какие-нибудь подробности его смерти? — спросил Лин Ду. — Точное время или другие детали?

Е Цинлань ненадолго задумался.

— Я тогда слишком сильно нервничал, поэтому мало что запомнил. Помню только, что было уже поздно. Меня колотило от страха, и мне было безумно стыдно. Я ведь прекрасно понимал, что не должен идти на такое ради денег. Я просто тихо стоял в сторонке. Ян Синъи сначала был занят какими-то делами — понятия не имею какими. Рядом крутились его помощники и телохранители, почти все Альфы. Они поглядывали на меня, некоторые пытались заигрывать, но я не обращал на них внимания. Ближе к полуночи он велел слугам наполнить бассейн с термальной водой и позвал меня к себе. Я... мне пришлось пойти. Наверное, ему быстро стало со мной скучно. Я ведь совсем не знал, как себя вести и что делать. Он лапал меня и всё сокрушался, что на небе нет луны, бормотал, как жаль губить мои феромоны и красоту. По-моему, он был уже мертвецки пьян — от него разило алкоголем.

Е Цинлань зябко передёрнул плечами и продолжил:

— Немного побыв в воде, я почувствовал, как кружится голова. Его феромоны душили меня. От жуткого напряжения всё тело так ослабло, что я едва держался на ногах. Казалось, вот-вот начнётся течка — она и без того должна была начаться со дня на день, а тут ещё эти встречи с Альфами... Мне стало по-настоящему страшно, что течка застигнет меня рядом с ним, и я сказал, что мне нужно уйти, что не останусь, иначе он меня погубит. Если бы он поставил мне пометку, распределение браков для меня стало бы невозможным. А быть его тайным любовником я не хотел — это сломало бы мне жизнь.

Мало кто из Омег согласился бы на роль тайного любовника — разве что по безумной любви. Они находились под строгим надзором Управления по делам Омег, регулярно проходя медицинские и психиатрические проверки. Любая измена мгновенно выплыла бы наружу. В таком случае их ждал не только позор, но и списание баллов социальной надёжности, а вместе с ними — урезание или полное лишение государственных пособий. А как жить без этих денег? К тому же клеймо содержанца калечило психику и ломало общественное положение.

Выслушав Е Цинлania, Лин Ду слегка нахмурился. Смерть Ян Синъи явно была как-то связана с этим мальчиком. Очевидно, его использовали втёмную. Но если он сам смог сопоставить эти факты, то и следователи из Спецотдела наверняка пришли к тем же выводам. Почему же тогда они отпустили его?

— Мне было так плохо, голова раскалывалась, я уже почти не соображал, — продолжал Е Цинлань. — Мои феромоны, должно быть, подействовали на Ян Синъи. Вдруг он стал невероятно сильным. Помню только дикую боль в голове и то, как он мёртвой хваткой вцепился в меня. Всё остальное как в тумане... Кажется, он вытащил меня на берег, навалился сверху, а потом я просто отключился. Что было дальше — не знаю.

— В тот момент у источника вы были вдвоём? Кто-то ещё там находился?

Е Цинлань покачал головой:

— Никого. Из-за приближающейся течки я обострённо чувал чужие запахи, но там был только Ян Синъи. Его феромоны несли гнилью, как застоявшееся болото. Меня мутило, казалось, я тону в этой жиже.

— Сколько ты пробыл без сознания?

— Не знаю. Когда я открыл глаза, Ян Синъи уже был мёртв. Самого тела я не видел — меня перенесли в гостевую спальню и набросили халат. Состояние было жуткое: началась течка, всё тело горело, я даже не сразу догадался взглянуть на время. Когда наконец поднял голову, старинные настенные часы показывали начало третьего ночи. Потом я заметил на себе следы крови — должно быть, это была его кровь. А вскоре нагрянули его телохранители, императорская гвардия и люди из Спецотдела. Меня тут же увезли.

— Тебя не обижали? — с тревогой спросил Лин Ду.

— Нет, меня защитила принцесса Юйцзэ, — покачал головой юноша. — Она прямо сказала, что прекрасно знает, какой гнидой был её муж и сколько Омег он сгубил, и назвала меня ребёнком, который не должен отвечать за чужую грязь. К тому же из-за начавшейся течки Альфы просто побоялись ко мне приближаться, чтобы не поддаться влиянию феромонов. Меня поселили в личных покоях принцессы. Правда, у дверей круглосуточно дежурила охрана, чтобы я не сбежал.

— Но они ведь должны были расследовать твоё участие? Всё-таки в момент убийства ты находился рядом с ним.

— Меня проверяли, — ответил Е Цинлань. — Но экспертиза подтвердила, что к моменту приезда стражи я пребывал в глубоком обмороке из-за шокового состояния течки уже больше двух часов. А на Ян Синъи напали примерно через час после того, как я отключился. Пока я находился в Саду Нефритового Пруда, мне удалось подслушать разговор фрейлин принцессы. Они шептались, что убийца перерезал ему горло кинжалом — там всё было залито кровью. Но самое странное... Ян Синъи даже не пытался сопротивляться.

С каждым словом Лин Ду всё яснее понимал: в этом деле слишком много тёмных пятен.

— Как они тебя допрашивали? — спросил он. — Психометрический сканер использовали?

Подобную процедуру такой ребёнок, как Е Цинлань, просто не сумел бы обмануть.

— Да, сканировали.

— Помнишь, о чём тебя спрашивали?

Е Цинлань покачал головой:

— Нет, смутно. Это было позавчера, как раз когда я только-только пришёл в себя после течки.

— И кто проводил сканирование? Спецотдел?

— Да, меня возили в их лабораторию. Принцесса поехала со мной, потому что туда же явились люди из семьи Ян. Её Высочество опасалась, что они прикончат меня прямо там, мстя за смерть своего родственника, и открыто заявила следователям: если со мной что-то случится, виновных нужно искать среди Ян. Вчера пришли результаты психометрии. С меня официально сняли все подозрения, а сегодня вернули в академию.

Лин Ду молча кивнул. Теперь мотивы принцессы Юйцзэ прояснились. Она намеренно устроила из гибели мужа громкий международный скандал. Раздувая шумиху в прессе, она явно пыталась что-то скрыть или кого-то защитить — иначе член императорской семьи не стал бы действовать себе во вред.

Смерть Ян Синъи была сопряжена с чудовищной грязью: влиятельный чиновник, зять императора, пытается изнасиловать четырнадцатилетнего Омегу из подведомственной ему академии прямо в императорской резиденции. Оба впадают в безумие течки, подросток теряет сознание от шока, а насильнику перерезают горло. Если бы эти подробности всплыли, разразился бы грандиозный скандал, который похоронил бы репутацию не только покойного, но и всей его могущественной семьи.

Ян Синъи возглавлял столичное отделение Управления по делам Омег. Должность давала ему безграничный доступ к незащищённым подросткам. Пользовался ли он своим положением раньше? Несомненно. То, что он годами оставался безнаказанным, объяснялось просто: он никогда не светился на публичных мероприятиях как начальник ведомства, держался в тени и выбирал жертв среди сирот в закрытых школах.

Ян Дуань, занявший его кресло, был набитым дураком — ещё более ничтожным и опасным, чем его предшественник.

У принцессы наверняка хранились снимки с места убийства. Скорее всего, за годы совместной жизни она собрала внушительный архив компромата на своего супруга. Но Юйцзэ предпочитала молчать: шантажировать клан Ян этими сведениями было куда выгоднее, чем предать его огласке.

Вот и сейчас она разыграла безупречную карту. Выступив в защиту чести покойного супруга, принцесса ловко исказила факты. В официальных отчётах термальный бассейн превратился в строгий кабинет, присутствие Е Цинланя замяли, заявив, что чиновник находился в комнате один, а зверское перерезание горла — явный почерк ритуального убийства — заменили на банальный выстрел из пистолета.

Забываясь о репутации покойного мерзавца, принцесса Юйцзэ выторговывала у семьи Ян новые политические уступки.

Императорский дом Чжоу сейчас переживал не лучшие времена. Кровь династии истощалась.

Десять лет назад, всего через полгода после гибели родителей Лин Ду, скончалась императрица. Официально — от тяжёлой болезни, но он подозревал, что её смерть была насильственной. Вскоре от невыносимой тоски угас и сам император. У них осталось двое детей: принцесса Юйцзэ, которую спешно выдали замуж за Ян Синъи, и шестилетний наследный принц Юйчжан. Мальчик унаследовал трон под именем Цзи Хунъин. Он был Альфой, но рос болезненным и слабохарактерным.

Императорская власть стремительно катилась под откос, давно уступив реальные рычаги управления Кабинету министров. Члены династии превратились в декоративные фигуры. О существовании монарха вспоминали редко — единственной, кто хоть как-то напоминал о величии короны, оставалась принцесса Юйцзэ.

Молодому императору исполнилось шестнадцать. До минимального брачного возраста Альфы — двадцати двух лет — оставалось ещё долгих шесть лет. Только после женитьбы он сможет принять верховное командование армией и получить реальную власть.

Если юный монарх умрёт, не оставив наследника-Альфы, трон перейдёт к его двоюродному дедушке, принцу Аню, дяде покойного императора. В жилах этого старика едва теплилась жизнь, да и веса в политике он не имел никакого.

По странной и зловещей причуде генетики, в императорском роду в последние десятилетия рождались почти исключительно Омеги. Лишённые права престолонаследия, они не могли спасти династию от угасания. В Кабинете министров всё чаще звучали робкие предложения упразднить монархию, но пока эти разговоры носили неофициальный характер.

Империя Великая Чжоу оставалась величайшей мировой державой, диктующей свои условия на международной арене. Но научный прогресс упёрся в технологический тупик. Космическая экспансия требовала колоссальных бюджетов при ничтожной отдаче, а социальные и экономические противоречия внутри страны накалялись с каждым днём.

— Сяо Е, то, что ты сейчас рассказал мне... ты делился этим с кем-нибудь ещё? — тихо спросил Лин Ду.

Юноша покачал головой:

— Нет, только следователям на допросе, да и то далеко не всё. Я сказал лишь, что в поездку меня заставило отправиться руководство академии, и упомянул про полученные двадцать тысяч монет.

— А про остальное?

— Промолчал... Ах, нет, вспомнил. Я рассказал им, как нас возили на медосмотр в Управление по делам Омег. После этого меня вызвали в школьный центр здоровья, где меня уже ждал Ян Синъи. Он тогда сказал, что я ему нравлюсь. Я ужасно испугался... Понял, что моя жизнь покатится под откос.

«Каждое твоё слово — это смертный приговор репутации клана Ян, — подумал Лин Ду. — Неудивительно, что они жаждут твоей смерти. Принцесса действительно спасла тебе жизнь».

Вслух он произнёс:

— Сяо Е, забудь всё это. Больше ни единой живой душе не рассказывай о том, что случилось в ту ночь. От этого зависит твоя жизнь.

— Я понимаю, — кивнул Е Цинлань. — Мне выплатили компенсацию и велели выкинуть эту историю из головы.

— Боюсь, они на этом не успокоятся, — предупредил Лин Ду. — Скорее всего, тебя снова заставят пройти обследование и применят аппаратуру для психологического внушения, чтобы насильно стереть тебе память.

Е Цинлань помрачнел:

— Я знаю.

— И ты действительно хочешь всё забыть?

Мальчик задумался, а затем упрямо мотнул головой:

— Нет. Не хочу.

Лин Ду удивился:

— Почему?

— Это было ужасно, но этот урок дался мне слишком дорогой ценой, — Е Цинлань посмотрел на Лин Ду чистым, сияющим взглядом. — Теперь я на всю жизнь запомню, что нельзя продавать себя за деньги и каким чудовищем был Ян Синъи. И никогда не забуду доброту принцессы Юйцзэ — она поняла мою беду и укрыла от опасности. А ещё я буду помнить, что ты пришёл ко мне. Ты ведь и раньше помогал мне, братец Лин Ду. Ты всегда был моим кумиром.

В груди Лин Ду разлилось странное тепло, смешанное с щемящей грустью. Он ласково посмотрел на подростка и принял решение:

— Если ты согласен, я могу прямо сейчас провести сеанс мягкого гипноза. Я заблокирую эти воспоминания в твоей памяти. Когда люди из Спецотдела или клана Ян проверят тебя своими приборами, они увидят лишь глухой блок и решат, что ты чист. Им не придётся выжигать твой разум психологическим внушением. А когда ты будешь в безопасности и сможешь уехать отсюда, я сниму этот блок, и ты всё вспомнишь.

Е Цинлань посмотрел с благодарностью.

— Хорошо, — прошептал он. — Я согласен. Я хочу вырасти и стать таким же, как ты — помогать людям.

<http://bllate.org/book/20623/2149369>